

Н. Янчук,

кандидат юридических наук, доцент кафедры права Европейского Союза и сравнительного правоведения Национального университета «Одесская юридическая академия»

ПОСТСОВЕТСКАЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА: ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ

Правовая карта современного мира складывается из множества существующих и функционирующих уголовно-правовых систем. Все они в той или иной степени взаимодействуют и оказывают влияние друг на друга.

В сравнительном уголовном праве одним из дискуссионных является вопрос о месте постсоветской уголовно-правовой системы на правовой карте мира. Проблемам идентификации уголовного права стран постсоветского пространства уделяли внимание такие ученые, как О. Ведерникова, В. Додонов, А. Кибальник, А. Наумов и др. Существуют несколько основных подходов в отношении решения данного вопроса: идентификация правовых систем постсоветских стран в рамках романо-германской правовой семьи; характеристика постсоветской уголовно-правовой системы как самостоятельного типа; определение постсоветского уголовного права как переходной системы от социалистического к романо-германскому праву. Например, К. Осакве считает, что «с точки зрения современной компаративистики постсоветское право (это справедливо и в отношении уголовного права) на сегодняшний день находится на переходной стадии развития. Его пока нельзя отнести ни к семье западного права вообще, ни к системе романо-германского права в особенности, ни к категории социалистического права» [8, 12].

А. Наумов полагает, что уголовное право постсоветских стран, «лишившись социологического содержания (идеологического, политического и экономического) в известной степени «вернулось» в систему романо-германского права» [7, 50]. Подобную точку зрения высказывает А. Кибальник [5, 212].

В. Додонов, отталкиваясь от тезиса, по которому романо-германская система уголовного права делится на две ветви — «Западную» и «Восточную», относит уголовное право стран постсоветского пространства к «Восточной ветви». По мнению ученого, отличительными чертами «Восточной ветви» являются:

- наличие в уголовных кодексах общих теоретических определений и норм целей;
- формально-материальное определение преступления;
- наличие специальных разделов об ответственности несовершеннолетних в Общей части Уголовного кодекса;
- закрепление в уголовном кодексе института судимости;
- стремление к полной кодификации уголовного права, включению всех составов в Особенную часть УК [3, 33].

Таким образом, высказывая данные точки зрения, исследователи, как правило, оперируют обычно такими аргументами, как общие исторические корни (тесная связь российского дореволюционного уголовного права с немецким уголовным правом), стремление к кодификации уголовных законов, обобщенная формулировка уголовно-правовых норм, общность юридической техники и другие характеристики. В контексте этого следует, однако, указать на два важных аспекта. Во-первых, отнесение постсоветского уголовного права к системе романо-германского права на основании формальных признаков не позволяет раскрыть всей уникальности и своеобразия постсоветской уголовно-правовой системы.

Во-вторых, отдавая должное близости постсоветского уголовного права к романо-германскому типу, нельзя недо-

оценивать наличие уникальных отличительных признаков, которые дают все основания говорить о формировании самостоятельной уголовно-правовой системы — постсоветской уголовно-правовой системы.

Говоря о сходстве и общности постсоветского и романо-германского уголовного права в главном и их различиях во второстепенном, нельзя не признать самостоятельности тезиса, высказанного в литературе: общее и особенное в рассматриваемых правовых системах — это не только две стороны одной и той же медали, но и их продолжение и дополнение [4, 35].

В чем конкретно проявляются особенности постсоветского уголовного права, которые дают возможность говорить о его особом месте на правовой карте мира?

Отвечая на данный вопрос, О. Ведерникова обращает внимание, прежде всего, на вполне очевидное различие в самом характере постсоветского и романо-германского уголовного права. А именно — полная кодификация уголовного права и неиспользование дополнительного уголовного законодательства как источника права; материальное определение понятия преступления; отсутствие института уголовной ответственности юридических лиц [2, 76].

Остановимся более детально на анализе этих и некоторых других типологических черт постсоветского уголовного права.

Так, в отличие от романо-германского права, где используется формальное определение преступного деяния, в странах постсоветского пространства закрепляется формально-материальное определение преступления. Формально-материальным является такое определение преступления, которое предусматривает как формальный признак (деяние, запрещенное уголовным законом), так и материальный признак (общественно опасное действие или бездействие). Следует отметить, что формально-материальное определение преступления является одной из характерных черт советской школы уголовного права и ред-

ко выходит за географические пределы сферы влияния последней.

В странах романо-германского права законодатели отказались от такого признака преступления, как общественная опасность, что во многом продиктовано отрицанием публично-правового характера уголовного права. Отсутствие в уголовном законодательстве стран континентальной Европы категории «общественная опасность» отчасти компенсируется формулировками типа «лицо, находящееся в опасном состоянии», «лицо, склонное к преступлению», «привычный преступник» и т.п. Однако, как справедливо отмечает А. Малиновский, «это ни в коей мере не заменяет общественную опасность деяния как признак преступления. Не нужно забывать, что общественно опасным является любое преступление, и именно поэтому законодатель определил его как противоправное и наказуемое. Что же касается общественной опасности преступника, то она устанавливается только в судебном заседании и влияет лишь на назначение вида исправительного учреждения» [6, 51].

Своеобразие постсоветской уголовно-правовой системы заключается в полной кодификации уголовного законодательства. Так, ч. 1 ст. 3 УК Украины гласит: «Законодательство Украины об уголовной ответственности составляет УК Украины, который основывается на Конституции Украины и общепризнанных принципах и нормах международного права» [1]. Аналогичные нормы существуют в УК других стран постсоветского пространства.

Как отмечает А. Наумов, «изначально европейское континентальное уголовное право тяготело к полной кодификации его законодательства. За это ратовали, например, еще предтечи «классической» школы уголовного права Гегель и Фейербах. Эти идеи были претворены в УК Франции 1791 и 1810 годов, Баварском Уголовном кодексе 1813 года» [9, 26]. Однако в настоящее время уголовное законодательство стран континентальной Европы представлено в виде определенной иерархической системы, на вершине которой находятся

конституционные и международно-правовые акты, затем следуют уголовные кодексы, другие кодифицированные законы, некодифицированные законы и подзаконные акты.

Наряду с этим нельзя не отметить тот факт, что следствием полной кодификации уголовного законодательства в постсоветской уголовно-правовой системе является отсутствие специальных военных уголовных кодексов. В то время, как в странах романо-германского права военное уголовное право выделено в самостоятельную отрасль законодательства. Так, во Франции в 1966 г. был принят Кодекс военной юстиции — комплексный нормативно-правовой акт, объединяющий нормы различных отраслей права, в том числе регулирующий воинские охранительные отношения. В Италии действует Кодекс о воинских преступлениях в мирное время 1975 г., а в Германии — Закон о воинских преступлениях от 30 марта 1957 г.

Еще одной специфической чертой уголовного права постсоветских стран, отличающей последнюю от романо-германской уголовно-правовой семьи, является отказ от подзаконного акта как источника уголовного права. В странах континентальной Европы акты, издаваемые исполнительными органами власти, рассматриваются в качестве полноценного, а иногда и незаменимого источника уголовного права. Так, во Франции уголовно-правовые нормы могут издаваться исполнительными органами власти в порядке осуществления так называемой «регламентационной власти». В частности, нарушения регулируются актами, изданными исключительно органами исполнительной власти. Достаточно много подзаконных актов, содержащих нормы уголовного права, действует в Германии.

По мнению отечественных ученых, подобный подход противоречит принципу *nullum crimen, nulla poena sine lege*, а также затрудняет выполнение конституционной обязанности — знать и соблюдать законы своей страны.

Не менее важными отличительными особенностями являются различия

в категориальном аппарате уголовного права постсоветской и романо-германской уголовно-правовых системах. Так, в уголовном праве романо-германской правовой системы отсутствуют многие категории, понятия и институты, известные постсоветскому уголовному праву. Например, по сравнению с УК Украины в УК Германии отсутствуют многие предписания, касающиеся перечня принципов, определений вины, умысла и неосторожности; отсутствуют такие институты, как групповые преступления, рецидив и т.д.; отсутствуют некоторые понятия, например, определение преступления.

В отличие от романо-германского права, где используется широкий подход к пониманию уголовно-наказуемого деяния, включающего не только преступления, но и проступки, нарушения, объединенные в единую категорию «противоправные деяния», в уголовном праве постсоветских стран все уголовно наказуемые деяния охватываются единым понятием «преступление», в рамках которого могут выделяться определенные категории по степени тяжести. Так, согласно ст. 12 УК Украины, в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния преступления подразделяются на четыре категории: небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие.

Несмотря на то, что уголовная ответственность юридических лиц является специфической чертой главным образом англо-американского уголовного права, в последнее время наметились тенденции к внедрению данного института в уголовное законодательство стран континентальной Европы. В настоящее время институт уголовной ответственности юридических лиц закреплен законодательством Нидерландов, Португалии, Франции, Швейцарии и др. И хотя законодатели в странах постсоветского пространства юридическое лицо не рассматривают в качестве субъекта преступления, дискуссии по поводу привлечения к уголовной ответственности юридических лиц не утихают.

В отличие от уголовно-правовых систем континентального права, где намечаются тенденции к ужесточению карательной политики, в странах постсоветского пространства наблюдается «тенденция гуманизации уголовной политики, что проявляется в отказе от смертной казни, стремлении сократить «тюремное население» за счет альтернативных мер наказания, не связанных с лишением свободы» [2, 76].

Наряду с названными особенностями постсоветское и романо-германское уголовное право отличается друг от друга и другими признаками: в частности, правовыми традициями, особенностями правового сознания и мышления, спецификой правового судебного рассмотрения уголовных дел и т.д.

Таким образом, учитывая особенности исторического развития стран постсоветского пространства, факт восприятия ими уголовного права континентальной системы права, современные тенденции развития, а также наличие специфических черт, свойственных данной правовой системе, можно утверждать, что правовые системы стран постсоветского пространства образуют самостоятельную уголовно-правовую систему, хотя это и не исключает дальнейшей возможности возвращения последней к «отцовскому дому», то есть присоединения к романо-германской уголовно-правовой семье.

Ключевые слова: типология уголовно-правовых систем, уголовное право, правовая система, постсоветская система права, романо-германская правовая система, идентификация.

Цель статьи состоит в установлении юридических характеристик, отличающих постсоветскую уголовно-правовую систему от других уголовно-правовых систем современности, в частности от романо-германской, а значит определения места постсоветской уголовно-правовой системы на правовой карте мира.

Мета статті полягає у встановленні юридичних характеристик,

що відрізняють постсоціалістичну кримінально-правову систему від інших кримінально-правових систем сучасності, зокрема від романо-германської, що в свою чергу дозволить визначити місце пострадянської кримінально-правової системи на правовій карті світу.

The purpose of the article is to establish the legal characteristics that differentiate the post-Soviet criminal law system from other criminal law systems of modernity, particularly from the Roman-Germanic, and thus determine where the post-Soviet penal system in the legal world map.

Литература

1. Кримінальний кодекс України // Відомості Верховної Ради України. — 2001. — № 25. — Ст. 131.
2. Ведерникова О. Н. Современные уголовно-правовые системы: типы, модели, характеристика // Государство и право. — 2004. — № 1. — С. 68–76.
3. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: монография / под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. — М.: Юрлитинформ, 2010. — 448 с.
4. Есаков Г. А. Уголовное право зарубежных стран / Г. А. Есаков, Н. Е. Крылова, А. В. Серебрянникова. — М.: Проспект, 2008. — 336 с.
5. Кибальник А. Г. Тенденции развития мировых уголовно-правовых систем // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2007. — № 2. — С. 212–222.
6. Малиновский А. А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права / А. А. Малиновский. — М.: Междунар. отношения, 2002. — 376 с.
7. Наумов А. В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права в XX в. и его перспективы в XXI в. // Государство и право. — 1998. — № 6. — С. 50–58.
8. Осаке К. Типология современного российского права на фоне правовой карты мира // Государство и право. — 2001. — № 4. — С. 12–22.
9. Флетчер Дж. Основные концепции современного уголовного права / Дж. Флетчер, А. В. Наумов. — М.: Юристъ, 1998. — 302 с.